

КЭРОЛАЙН ЛИНДЕН
ПУТЬ К СЕРДЦУ
ГЕРЦОГА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л59

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Caroline Linden

THE WAY TO A DUKE'S HEART

Перевод с английского *Т. Осиной*

Компьютерный дизайн *С. Озеровой*

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линден, Кэролайн.

Л59   Путь к сердцу герцога : [роман] / Кэролайн Линден ; [пер. с англ. Т. А. Осиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-095627-2

Скандалное прошлое дорого обходится старому герцогу: щипичный и дерзкий шантажист угрожает погубить его и лишит не только титула, но и состояния. Старший сын герцога Чарлз де Лейси, лорд Грешем, бросает Лондон, где вел разгульную жизнь, и едет в провинцию на поиски негодяя, желая выяснить, есть ли хоть доля истины в его угрозах. Однако как найти преступника? Вероятно, поможет Тесса Невилл, очень похожая на его соучастницу.

Поначалу Чарлз намерен лишь использовать Тессу в своих целях, однако загадочная красавица, изящная и остроумная, влечет его с необычайной силой. Каждое ее слово интригует, каждый взгляд искушает, и вскоре сгорающий от страсти лорд Грешем уже не понимает, кто перед ним — коварный враг или женщина его мечты...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© P.F. Belsley, 2012

© Перевод. Т.А. Осина, 2013

ISBN 978-5-17-095627-2   © Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Пролог

Он явился в этот мир, чтобы стать великим человеком.

Едва родившегося малыша завернули в тончайшие пеленки с гербом графа Грэшема. Этот титул, второй по значимости в регалиях отца, достался ему как старшему сыну и законному наследнику. Со временем к нему должны были отойти великолепные поместья герцога Дарема и множество мелких угодий — все вместе целое небольшое государство. Древний род отца восходил к первому герцогу Дарему, верному слуге и другу славного короля Ричарда Львиное Сердце, а предки с материнской стороны вели свою линию от Эдуарда IV — в их жилах текла даже не герцогская, а королевская кровь.

Ему предстояло каждую минуту оправдывать высокие надежды. Одним из первых его воспоминаний стал строгий выговор няни: та бранила мальчика за шалость и внушала, что он должен вести себя так, как подобает выдающемуся государственному деятелю.

— Придет время, и вы станете герцогом, таким же великим, как отец. Герцогу не пристало бить брата. — Нотация подкреплялась шлепками деревянной ложкой по руке. Будущий государственный

деятель корчился от боли, но сознавал правоту наказания. Младший брат Эдвард не был наследником: величие ему не грозило, — а вот Чарлз Седрик Спенсер Фицгенри де Лейси, граф Грэшем, старший из трех сыновей герцога Дарема, с раннего детства ощущал на своих плечах тяжкий груз наследства.

В восемь лет его отправили в закрытую школу. Мама плакала, однако Чарли уезжал радостный. Положение наследника предполагало постоянный контроль, а школа обещала свободу. Итон, а затем и Оксфорд стали для него родной стихией. И в суровых академических аудиториях, и на беспристрастных, порою безжалостных спортивных полях он чувствовал себя свободно. Легко заводил друзей и в то же время обладал достаточной силой, чтобы отстоять собственную независимость. Высокое положение семьи неизменно сказывалось на отношениях, и в любом мальчишеском сообществе его выбирали предводителем. Он довольно успешно справлялся с учебой и вскоре научился без труда завоевывать расположение учителей. К тому же титул чудесным образом привлекал девушек всех возрастов и форм, что, по мнению Чарли, было чертовски здорово. Вдали от дома он чувствовал себя вполне достойным высокой участи, предназначенной судьбой.

Дома, однако, обстоятельства складывались не столь однозначно.

Отец всегда был очень строг и требователен, правда, матери удавалось развеять мрачное настроение герцога и создать в поместье Ластингс-Парк атмосферу любви и веселья. Она умерла тем летом,

когда Чарли исполнилось одиннадцать лет. Вслед за хозяином весь дом погрузился в глубокую печаль. Герцог придирался к каждому шагу сыновей, требуя безупречности во всем; Чарли приходилось соответствовать непостижимо высоким стандартам. Когда по успеваемости он оказывался в верхней половине списка, но не достигал первой строчки, Дарем отчитывал за отсутствие должного прилежания. А если случалось принять участие в какой-нибудь неудачной проказе, отец лично являлся в школу, чтобы прочесть безжалостную нотацию, и на целый семестр лишал сына карманных денег. Бедняге приходилось нищенствовать и занимать у друзей по несколько пенсов. Что бы ни делал старший сын, отец все равно обвинял его в недостаточном усердии: дотянуться до безмерно завышенной планки никак не удавалось. В глубине души Чарли считал, что на самом деле все не так уж и плохо, однако стойко выносил бесконечные упреки и выговоры. Что ни говори, а со временем ему предстояло стать великим человеком; великие люди не пасуют перед трудностями.

И все же.

В шестнадцать лет Чарлз де Лейси, граф Грэшем, вернулся из школы и обнаружил, что отец обсуждает дела поместья с Эдвардом, которому едва исполнилось тринадцать.

— Парень необыкновенно умен, — как-то раз похвастался герцог соседу, не стесняясь присутствия сыновей. — Соображает потрясающе. Остальным до него, конечно, далеко.

Чарли бросил на брата удивленный и обиженный

взгляд, а тот лишь смущенно пожал плечами. Что поделаешь, если любые расчеты действительно давались ему с необыкновенной легкостью? Чарли, который тоже не отставал в математике, но не испытывал к ней особого интереса, проиграл, даже не успев понять, что участвует в состязании.

В следующий раз Грэшем приехал на каникулы уже из университета и не поверил собственным глазам: младший брат, Джерард, неожиданно вырос и оказался на два дюйма выше его. Чарли, привыкшему смотреть на малыша сверху вниз и встречать полный восхищения взгляд, это не понравилось. К тому же Джерард в полной мере унаследовал фамильное бесстрашие мужчин из рода де Лейси: когда он мчался верхом на необъезженном жеребце, отец ревел от восторга. Чарли оставалось лишь угрюмо с завистью наблюдать: наследнику титула и состояния с детства было строго-настрога запрещено приближаться к опасным животным. Нельзя сказать, что ему не терпелось испытать крепость собственной шеи, однако открытое преклонение герцога перед удалью младшего из сыновей особой радости не вызывало.

Но и это тоже можно было вынести. Переживания по поводу слишком очевидных успехов братьев компенсировались осознанием собственного высокого статуса. Возможно, Эдвард лучше соображает, как надо управлять поместьями, но поместья-то достанутся ему, Чарли. Не исключено, что Джерард покроет себя славой на поле боя, но почетное право заседать в палате лордов и решать судьбу государства получит опять-таки Чарли. И даже если не удаст-

ся проявить блестящий ум и несравненную храбрость, его голос все равно будет услышан, а мнение обретет вес. Чарли убеждал себя, что все прочие составляющие несущественны, и не держал на братьев зла ни за очевидные таланты, ни за откровенное предпочтение герцога. Видит бог, он не единственный на свете наследник, кому приходится несладко под суровым и требовательным взглядом отца.

Но потом Грэшем встретил Марию.

Однажды, шутки ради, Чарли отправился на сельский бал в компании двух университетских друзей — Ранса и Лонгхерста. Все трое наслаждались несколькими неделями свободы перед большим туром. Да, герцог Дарем наконец-то решил, что сын достоин отправиться в путешествие по Европе — с условием держаться подальше от французского безумия. В зале, до отказа заполненном зажиточными фермерами и местными джентльменами, молодой граф Грэшем и его титулованные спутники сияли подобно трем факелам во мраке ночи. Появление блестящих аристократов отозвалось дружным вздохом всех без исключения присутствующих дам — от пылающих румянцем юных леди до их внезапно восторженных мамаш. В тот вечер молодому лорду представили такое количество барышень, что он сбился со счета. Танцевал до боли в ногах, а войдя в столовую, чтобы что-нибудь выпить, увидел неземное создание. Мир перевернулся.

Она казалась почти сказочно прекрасной: небесно-голубые глаза, безупречно правильное бледное личико. Темные кудри были перехвачены простой

белой лентой, а розовое платье подчеркивало щедрые, аппетитные формы. Но больше всего поразил игриво выглядывающий из-под юбки носок туфельки: он мерно постукивал по полу в такт музыке. Почему такая прелестная девушка не танцует? И вообще, кто она?

Несколько осторожных вопросов помогли утолить любопытство.

— Мария Гроноу, — с видом знатока пояснил Ранс. — Если верить сплетням, то семья несколько сомнительная. И все же... черт возьми, Грэшем, она хороша!

— Да, — согласился Чарли, в открытую рассматривая незнакомку. — Найди кого-нибудь, кто сможет меня представить.

Это была любовь с первого взгляда. Когда он поклонился, Мария мило покраснела и застенчиво улыбнулась. Она согласилась на один танец, но тот, к сожалению, оказался всего лишь старомодной паваной, во время которой и поговорить-то толком невозможно, а от следующего решительно отказалась.

— Леди должна заботиться о репутации, милорд, — пояснила прелестница с загадочной улыбкой и томно взглянула на него. — А джентльмен обязан контролировать намерения.

— Конечно, мисс Гроноу, — согласился граф, уже предвкушая азарт охоты и преследования.

Когда Грэшем нанес визит вежливости, она одарила его кокетливым взглядом и выразила надежду на новую встречу. Он приехал снова — с цветами — и был вознагражден согласием покататься верхом

по парку. Миссис Гроноу тоже улыбнулась — в знак согласия, — но эта улыбка не могла сравниться с той, которой Мария одарила его позже, после первого поцелуя, украденного во время долгожданной совместной прогулки. И с этой минуты Чарлз Седрик Спенсер Фицгенри де Лейси, граф Грэшем, старший из трех сыновей герцога Дарема, окончательно пропал.

Месяц пролетел словно в тумане. Влюбленный лорд не пропускал ни единого дня. Дальние поездки верхом сменялись катанием в ландо и даже пешими прогулками по укромным аллеям. Он наслаждался каждой минутой близости, упивался ароматом и вкусом избранницы, шелковой мягкостью ее губ. Мария безоговорочно понимала нежного друга: во время долгих бесед неизменно поддерживала его точку зрения и горячо осуждала каждого, о ком Чарли отзывался неодобрительно. Смотрела так, будто в мире не было никого другого, а он уже не представлял, как сможет жить без нее. Мысли о Марии гнали прочь сон. Мечты о следующей встрече мешали сосредоточиться на разговоре. Каждый поцелуй сводил с ума, каждое прикосновение заставляло пылать от нетерпения, а соблазнительные улыбки распалили вожделение. Мир стремительно раскололся на две части: в одной, сияющей райским светом, жила Мария, а в другой — темной и холодной — влачили жалкое существование все остальные представители рода человеческого.

Друзья, разумеется, заметили, что происходит, и не преминули поздравить с завоеванием самого лакомого кусочка муслина во всем графстве Сус-

секс. Чарли лишь молча улыбнулся. Он понимал, что любовь сродни коварной ловушке. Страшно было подумать о том, чтобы оставить Марию на несколько месяцев и отправиться в путешествие по Европе. И не потому, что он боялся влюбиться в другую, как шутливо пророчила мисс Гроноу. Просто потерял голову. В его отсутствие ей ничего не стоило найти другого поклонника — утонченного, независимого, уверенного в себе. Попадись на ее пути принц, она без труда очарует и его высочество. Чем больше Ранс и Лонгхерст рассуждали о неумолимо надвигавшемся большом туре, тем меньше Грэшему хотелось пересекать Ла-Манш. Италия и Греция никуда не денутся, а вот Мария — юная, прекрасная и почти его — вполне может исчезнуть. А когда друзья отправились по домам, чтобы собраться в путь, решение созрело окончательно. Он никуда не поедет. Он останется в Суссексе и женится на Марии.

Оставалось одно: сообщить обо всем отцу.

— Не думаю, что готов отправиться в Италию, — заявил Чарли за обедом. К счастью, они с герцогом оказались за столом вдвоем. Джерард был в университете, а Эдвард поехал в Уэльс, в поместье дяди — графа Доулинга, — чтобы на практике познать секреты овцеводства.

Дарем не произнес ни слова. Долго смотрел на сына поверх стакана, а потом лаконичным жестом отослал прочь слуг.

— Почему?

— Давно не был дома. Хочу поближе познакомиться с поместьем.

Взгляд герцога стал еще острее.

— Думал, ты обрадуешься. — Чарли попытался укрепиться на отвоеванной территории. — Чувство долга и все такое прочее.

— И эта девушка здесь ни при чем?

Вопрос застал врасплох. О Марии он не говорил отцу ни слова, а Ранс и Лонгхерст слишком благоговели перед величием его светлости, чтобы опуститься до сплетен и выдать друга.

— Она не просто «эта девушка», — неловко огрызнулся Чарли, не придумав ничего более подходящего.

Отец хмыкнул.

— О да, конечно. Самая настоящая авантюристка — старается поймать неоперившегося юнца.

— Мне уже исполнилось двадцать два, — возразил Чарли, покраснев от унижения. — Я давно не юнец, а мужчина.

— В таком случае веди себя как мужчина. — Дарем отвел взгляд. — И не позволяй вожделению собой командовать.

— Я люблю ее. — Чарли пытался говорить спокойно и уверенно, однако герцог знал, как спровоцировать эмоциональную вспышку.

— Нет, не любишь, — невозмутимо парировал он. — Всего лишь хочешь затащить девчонку в постель.

И это было правдой — отчаянной, постыдной правдой, — однако Чарли гневно отверг грубое обвинение:

— Ничего подобного! Мои намерения благородны!

Отец скептически приподнял бровь:

— Неужели? В таком случае ты предлагаешь ей несравнимо больше, чем она тебе. Гроноу известны как беспримерные мошенники и вымогатели.

— Мария приличная, скромная девушка!

Дарем положил нож и вилку и пронзил сына безжалостным, стальным взглядом.

— Меня не волнуют ни те уловки, которыми она тебя заманивает, ни твое безумное вожделение. На этой ловкой особе ты не женишься. Если хочешь, можешь сколько угодно лазить к ней под юбку, но мой сын никогда не свяжет себя с семейством пронырливых шарлатанов. Не исключено, что девица обладает некими прелестями, но помяни мое слово: единственное, что ей нужно, это стать герцогиней и получить доступ к богатствам Даремов, чтобы содержать своего никчемного отца. Не поддавайся на искусно разыгранный спектакль и фальшивые чувства, Чарли!

Грэшем глубоко вздохнул и до боли сжал кулаки.

— Я приглашу ее к нам, — решительно заявил он, — и при встрече ты сам поймешь, что ошибаешься.

Дарем посмотрел с легким удивлением, словно не ожидал подобного решения.

— Что ж, отлично, — проговорил он после долгого молчания и взял со стола бокал с вином, как будто хотел показать, что мир восстановлен. — Если желаешь, можешь пригласить и ее родителей.

Предложение было принято с восторгом. Чарли неприятно поразило то откровенное торжество, с которым миссис Гроноу переступила порог особ-

няка; не ускользнул от его внимания и расчетливый, жадный взгляд мистера Гроноу. Отец, разумеется, жестоко заблуждался в отношении Марии, однако приходилось признать, что о ее родителях герцог определенно знал что-то такое, о чем не подозревал Чарли. Впрочем, все страхи испарились без следа, стоило мисс Гроноу заглянуть в глаза и виновато улыбнуться в ответ на излишне громкие восклицания отца и матери. По дороге в гостиную Чарли незаметно взял ее за руку и сразу ощутил, как тонкие теплые пальчики доверчиво сжали ладонь. В душе снова расцвел райский сад.

Герцог почтил гостей присутствием лишь спустя полчаса. Поначалу он вел себя как истинный аристократ — вежливо, но холодно. Несмотря на ликующие взгляды, которые то и дело бросала на дочь миссис Гроноу, Чарли не тревожился: он надеялся, что отец ничего не замечает. Приходилось признать, что мистер и миссис Гроноу ведут себя чересчур цепко, если не сказать алчно. Но ведь не на них он собирался жениться. Мария же, в свою очередь, держалась с обычной спокойной уверенностью.

— Итак, — неожиданно произнес Дарем, мрачно уставившись на мисс Гроноу, — насколько я понимаю, речь идет о союзе.

— Так и есть, сэр. — Миссис Гроноу слегка расправила плечи и окинула дочь сияющим взглядом. — В последнее время мы не слышим ни о чем и ни о ком, кроме лорда Грэшема. Должна сказать, что достоинства молодого джентльмена превосходят даже восторженные оценки Марии!

— Позвольте уточнить, было ли уже сделано предложение? — сухо осведомился герцог.

— Да, сэ́р. — Чарли спокойно и уверенно встретил требовательный взгляд отца. Несмотря на строгое предупреждение, он все-таки решился на столь ответственный шаг, а сейчас не удержался и нежно посмотрел на невесту. — Счастлив сообщить, что получил согласие мисс Гроноу и благословение мистера Гроноу, ее отца.

При этих словах Мария очаровательно покраснела и скромно потупила взор.

— Благословил детей с огромным удовольствием, — вступил в разговор мистер Гроноу. — Не могу представить лучшей партии. Подобное родство — огромная честь для всей нашей семьи.

— Не сомневаюсь, — отозвался Дарем с непроницаемым выражением лица, а потом повернулся к Марии, слегка прищурился и посмотрел так, словно выискивал недостатки. Впрочем, Чарли оставался спокойным: он знал, что даже столь безжалостный критик не сможет обнаружить в его избраннице ни малейшего изъяна. В элегантно-гостиной Мария выглядела еще прекраснее, чем обычно. Он уверенно посмотрел в ее сторону и был вознагражден особой, интимной улыбкой, предназначенной ему одному.

— Не могу одобрить этот брак, — негромко и оттого особенно веско заключил герцог. — Мой сын еще слишком молод.

Миссис Гроноу издала странный сдавленный звук, а у ее благоверного от неожиданности открылся рот. Чарли утонул в тумане унижения.

— Я достаточно взрослый, сэ́р... — попытался возразить он, однако был вынужден замолчать.

— Он слишком молод, — повторил герцог чуть громче. — Я не дам согласия на брак и откажу в благословении. Мальчик еще не достиг совершеннолетия. Если он поступит вопреки отцовской воле, то до конца моих дней будет лишен содержания и окажется без единого фартинга в кармане.

В комнате повисло ледяное молчание. Мария побледнела как полотно и посмотрела на герцога горящими, полными боли и унижения глазами. Миссис Гроноу повернулась к супругу, который тщетно пытался совладать с растерянностью и найти подходящие слова. Чарли едва дышал. О, что за позор! В присутствии Марии и ее родителей! Было неприятно слышать, как отец неумеренно восхваляет ум Эдварда и восхищается безрассудной храбростью Джерарда, но это... Он всего лишь попросил у отца разрешения жениться на девушке, которую полюбил, а в ответ получил самый унижительный, грубый, жестокий и враждебный отказ.

Ничуть не смущенный всеобщим ступором, герцог встал и направился к двери.

— Желаю приятного дня.

Он исчез прежде, чем кто-нибудь успел пошевелиться.

— Так. — Мистер Гроноу глубоко вздохнул раз, потом другой. — Так!

— Мне очень жаль, — произнес Чарли сдавленным голосом. — Никогда не думал, что...

— Ты ни в чем не виноват, — отозвалась Мария деревянным голосом.

— Конечно, не виноват. — Мистер Гроноу рассеянно похлопал по плечу. — Что ж, нам пора.